
Безмолвный крик
Дари Мит
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Дари Мит
Безмолвный крик

https://litres.ru/74710868
SelfPub; 2026

Аннотация

После шести лет учёбы в Англии Ваани Капур возвращается в родной городок, затерянный среди лесов и озёр Индии. Но вместо спокойной жизни молодого врача её ждёт задание отца, способное всё изменить.

Ей поручено лечить опасного преступника, потерявшего память. Он не помнит прошлого, не доверяет окружающим и не желает ничего вспоминать.

Чем глубже Ваани погружается в его историю, тем яснее понимает: за официальными показаниями скрывается нечто большее.И пока она ищет правду, между ней и человеком, которого она должна лечить и осуждать, как многие, возникает связь, которой не должно существовать.

Ваани придётся решить, кому верить: фактам, близким или собственному сердцу.

Но не каждый выбор ведёт к светлому будущему.

Содержание

1 глава 6
2 глава 17
3 глава 25
4 глава 33
5 глава 41
6 глава 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Дари Мит
Безмолвный крик

Индийскому кинематографу, который научил меня чувственности, показал, что порой один взгляд говорит больше тысячи признаний, а молчание может быть громче самых красивых слов.

Mushqil Hai Mushqil Hai, Lafzon Mein Keh Pana…
«Трудно, так трудно выразить словами, что я чувствую…»
(строчки из песни Lut Gaye в исполнении Jubin Nautiyal).

Жанр: Медицинская психологическая драма с элементами триллера.

Тропы:
Врач & пациент-убийца
Запретная любовь
Амнезия
Индийский сеттинг
Не ХЭ

1 глава

Саттал никогда не встречал меня солнцем.

Здесь, в предгорьях Кумаона, среди семи затерянных холодных озёр, туман не рассеивался даже к полудню. Он сползал с поросших соснами хребтов — густой, влажный, пахнущий сырой глиной, прелой хвоей и погребальным дымом далёких костров у речных заводей.

Шесть лет в Лондоне казались мне сном, который я выдумала. Там дождь смывал пыль с мостовых Кенсингтона и пах мокрым асфальтом. В Саттале дождь въедался под кожу. Он напоминал о том, что эта земля не прощает слабости, а наш род не прощает неповиновения.

Машина мягко затормозила у массивных кованых ворот с семейным гербом Капуров. За ними, среди вековых кедров, возвышалась наша родовая хавели. Двухэтажная, сложенная

из тёмного горного сланца, с резными дверями из тика, глубокими верандами и каменными арками, она хранила в своём облике величие старой индийской семьи.

На окраине города, вдали от жилых кварталов, располагалось другое здание, принадлежавшее нашей семье, — *Kapoor Psychiatric Centre*, лучшая частная клиника закрытого типа на севере страны. Её архитектура перекликалась с обликом родовой хавели, сохраняя фамильный почерк, но в более современном и функциональном исполнении. Даже незнакомцу хватило бы одного взгляда на характерные купола, чтобы узнать почерк Капуров.

Наша семья обосновалась в этих краях почти столетие назад. Мой прадед перебрался в Саттал из Ротхака вместе с прабабушкой и детьми. Здесь он основал клинику, которой впоследствии посвятили себя несколько поколений нашей семьи. По происхождению мы были пенджабскими кхатри, исповедовали индуизм и строго придерживались традиций своей общины. И дед, и отец выбирали себе в жёны женщин из числа кхатри, так как в нашей семье не поощряли браки за пределами своего круга. Мы дорожили обычаями, семейным укладом и наследием предков, сохраняя их с той же строгостью, с какой относились к врачебному делу.

В нашей семье из поколения в поколение становились врачами. Другого пути для нас попросту не предусматривалось. Честь, долг и послушание старшим стояли превыше всего, а семейные правила порой значили больше, чем законы госу-

дарства. После смерти деда клинику возглавил отец, но наследника-мужчины у него так и не появилось из-за болезни отца по мужской части. Поэтому продолжить семейное дело предстояло мне. Отец изначально противился моему профессиональному пути, предпочитая традиционное будущее. Дед, напротив, разглядел во мне потенциал: он добился моего обучения в Англии, неизменно поддерживал мои стремления, и заранее распорядился, что наследницей клиники после отца стану я. С уходом деда исчезла и его защита, и мне всё чаще приходилось слышать критические замечания отца. У отца не было ни шанса вернуть меня в Индию или лишить образования. Дед позаботился об этом заранее: в официальных распоряжениях чётко значилось, что наследницей клиники после отца стану я. И эти документы были вне его власти.

Я вышла из машины, зябко поправляя теплую пашмину, наброшенную поверх теплого джемпера цвета пепла. Горный воздух обжёг лёгкие ледяной чистотой.

Тяжёлая резная дверь распахнулась ещё до того, как водитель успел достать мой багаж.

— Ваани… Бети… девочка моя…

На пороге появилась Парвати. Старая экономка, чьи сухие ладони пахли топлёным маслом гхи, куркумой и сушёными лепестками роз. Мама умерла, когда мне было всего восемь лет, и именно Парвати растила меня, смазывала ранки сандаловым маслом, заплетала волосы и тайком подкармливала

сладостями, когда отец наказывал меня за непослушание.

Женщина поспешно спустилась по каменным ступеням, обхватила моё лицо своими шершавыми тёплыми руками, коснулась пальцами моего лба и зашептала древние молитвы, отгоняя дурной глаз чужой земли.

— Доехала, хвала богам… Какая бледная, исхудала совсем в этих своих заграницах. Одни глаза остались на лице.

— Я так скучала по тебе, Парвати, — тихо выдохнула я на хинди, прижимаясь щекой к её ладони. Только рядом с ней на пару секунд можно было перестать держать спину натянутой, как струна. — Отец дома?

Взгляд старой женщины мгновенно потух. Она торопливо опустила глаза, разглаживая подол своего выцветшего хлопкового сари.

— Ждёт тебя в малой столовой. Но сначала переоденься с дороги, дочка. Не серди его в первый же день.

Я кивнула, чувствуя, как внутри привычно сжался ледяной комок тревоги.

Холл первого этажа встретил меня тишиной и могильным холодом полов из белого раджастханского мрамора. В углу, под резной аркой, мерцали огоньки масляных лампад у домашнего алтаря Шивы.

А прямо над ним висел портрет матери в тяжёлой позолоченной раме.

Сунита Капур. На полотне она была запечатлена в традиционном алом шелку, с золотым кольцом-натхом в крыле но-

са и опущенным, безропотным взглядом. Каждое утро Парвати вешала на раму свежую гирлянду из бархатцев. Жертвоприношение призраку женской покорности.

В доме Капуров женщина должна была двигаться бесшумно, как тень, ступать неслышно и говорить только с позволения главы семьи. Мама умела молчать так, будто её вовсе не существовало. Отец сломал её за время совместной жизни своим ледяным презрением и непогрешимым диктатом.

Я люблю ее и очень скучаю…

Я поднялась в свою старую спальню. В комнате снова ничего не изменилось с прошлого моего приезда: строгая кровать из тёмного дуба, полки с книгами, все тот же запах сушёной лаванды. Сбросив европейскую одежду, я надела традиционный скромный чуридар-камиз нежно розового оттенка, заколола густые волосы на затылке и поправила край дупатты, покрывая голову, как того требовали обычаи нашего дома перед лицом отца.

Когда я спустилась в малую столовую, доктор Ашок Капур уже сидел во главе длинного полированного стола.

На нём была безупречно отглаженная тёмная курти с глухим воротником-стойкой. Ни единого седого волоса не выбивалось из гладкой причёски. Время словно не касалось его: та же безупречно прямая осанка, сухое, строгое лицо с резкими скулами, тонкие, намертво сжатые губы.

Я подошла к нему неслышными шагами, опустилась и кончиками пальцев обеих рук благоговейно коснулась начи-

щенных носков его туфель. Чаран спарш, вековой обряд абсолютного почитания отца и старшего мужчины рода.

— Будь благословенна, Ваани, — сухой, ровный голос отца на пенджаби прозвучал над моей головой без тени отцовской нежности. — Поднимись.

Я встала, опустив глаза в пол.

— С приездом, бети.

Я сдержанно кивнула. Отец сделал скупой жест рукой, позволяя слугам подавать еду. По правилам я не имела права притронуться к тарелке раньше него. Парвати и молодой слуга расставляли на столе тяжёлые серебряные тхали — горячие лепёшки роти, дал из жёлтой чечевицы, пряный рис басмати и тушёные овощи сабджи.

Отец первым опустил пальцы правой руки в рис, зачерпнул дал и отправил в рот. Лишь после того, как он сделал первые несколько глотков, он негромко произнёс:

— Сядь, Ваани. Поешь.

Я бесшумно отодвинула стул на приличном расстоянии от него, села на самый край и положила себе немного риса. Кусок не лез в горло, но отказаться значило нанести смертельное оскорбление хозяину дома.

— Как прошёл перелёт? — спросил он, не отрывая взгляда от своего тхали.

— Спокойно, отец. В Дели рейс прибыл вовремя, — я тоже перешла на пенджаби, наш родной язык.

— Но в поместье ты появилась на сорок минут позже на-

значенного срока.

Я замерла, сжимая в руке тонкую серебряную ложку.

— Дорогу в ущелье у Бхимтала размыло ливнем, питаджи. Сошёл сель, полиция перекрыла движение на полтора часа…

— Члены нашей семьи не оправдываются природными катаклизмами, Ваани, — ледяным тоном перебил он. — Ты обязана была предусмотреть состояние горных дорог в сезон муссонов и выехать раньше. Дисциплина начинается со времени. Если ты не властна над собственным расписанием, как ты собираешься управлять чужим помрачённым разумом?

— Простите меня, питаджи. Этого больше не повторится.

Отец едва заметно кивнул, принимая мою покорность как должное. За столом снова воцарилась давящая тишина, прерываемая лишь стуком серебра и шумом дождя за тяжёлыми портьерами. Я заставляла себя медленно жевать, чувствуя на себе его тяжёлый, взвешивающий взгляд.

Когда с обедом было покончено, слуга убрал тхали и поставил перед отцом чашку терпкого масала-чая с кардамоном и гвоздикой. Парвати неслышно поднесла чашку и мне, ободряюще коснувшись моего плеча на долю секунды.

Отец сделал глоток, аккуратно поставил фарфоровую чашку на блюдце и сложил пальцы домиком. *Время любезностей подошло к концу.*

— Твои кураторы из Королевского колледжа прислали отчёт, — заговорил он деловым, холодным тоном. — Они хва-

лят твою теоретическую базу. Пишут, что у тебя редкая интуиция при диагностике сложных пограничных состояний. Но меня тревожит другое.

Мужчина поднял на меня свои обсидиановые, лишённые тепла глаза:

— Они отмечают твою излишнюю вовлечённость. На Западе вас учат сочувствовать болезни. Вас приучают нянчиться с ублюдками и социопатами, выискивая оправдания их мерзостям в детских травмах. В Саттале это не работает. Психиатрия — это власть порядка над хаосом. Это способность отсекать гниль, не дрогнув рукой. Ты вернулась сюда не для того, чтобы проявлять слабость. Ты вернулась служить фамилии Капур.

— Я понимаю долг нашей семьи, отец, — тихо ответила я, глядя в кружащийся в чашке пар. — Но разве сострадание мешает ставить верный диагноз?

Отец сухо, безжалостно усмехнулся:

— Сострадание калечит врача, Ваани. И делает его уязвимым для чужих манипуляций. Но слова стоят дёшево. Мы проверим твою хвалёную европейскую выдержку делом.

Он полез во внутренний карман курти и достал сложенный вдвое плотный лист официального направления с красной диагональной полосой полицейского архива. Положил его на стол и прижал тяжёлым перстнем с синим сапфиром.

— Завтра в восемь утра ты примешь своего первого пациента.

Я взглянула на казенную бумагу.

— Кто он, питаджи?

— Три недели назад его доставили из закрытого распределителя полиции Найнитала после чудовищной резни на частной охотничьей заимке. Трое влиятельных мужчин из знатных родов нашего округа были забиты насмерть с особой жестокостью. Преступника взяли на месте автокатастрофы в полутора милях от бойни. Выраженная ретроградная амнезия с фрагментарными провалами памяти, сопряжённая с приступами неконтролируемой, разрушительной ярости.

Моё сердце кольнуло.

— *Тройное убийство?..* Но почему его направили в клинику, а не в центральную тюрьму?

— Потому что судья требует официального медицинского заключения, — отчеканил отец.

Да, уголовный кодекс Индии был суров, но непоколебим в одном: нельзя судить человека, который из-за травмы или психического расстройства не осознаёт тяжести своих поступков и не может защищать себя.

— Доктор Банерджи и доктор Шарма отказались от него после двух сеансов. Этот зверь чуть не переломал кости санитарам. Он либо молчит днями, глядя в одну точку, либо бьётся о решётки, выкрикивая бред о «мёртвой девочке в соснах». Полиция считает, что он искусно симулирует амнезию, чтобы избежать виселицы.

Отец встал из-за стола, возвышаясь надо мной, как судья

древнего трибунала.

— Твоя задача, доктор Капур, снять с него эту фальшивую маску. Заставь его заговорить. Пробей его защиту и вытащи из его глотки чистосердечное признание для судебного протокола. Если он болен — мы изолируем его в спецблоке до конца дней. Если притворяется — закон накинет ему петлю на шею.

— А… а если он действительно ничего не помнит из-за травмы? Если за этой яростью скрывается шок? — мой голос предательски дрогнул.

Лицо отца окаменело. Он сделал шаг ко мне, и меня будто парализовало:

— Не смей искать в монстре человека, Ваани. Твоя обязанность — выполнить долг перед клиникой и законом. Он изолирован в нулевом подземном боксе под старым крылом. Завтра утром ты спустишься туда.

Отец помолчал, буравя меня своим немигающим взглядом, и добавил тоном, не терпящим возражений:

— Докажешь, что достойна носить имя Капур — я назначу тебя ведущим клиническим экспертом центра. Провалишься или проявишь слюнявую женскую жалость — я аннулирую твою практику и к концу года выдам тебя замуж за сына господина Мальхотры. Твоё место будет на женской половине дома, у колыбели детей. Выбирай сама, Ваани. Разговор окончен.

Что ж, отлично, отец уже подыскал мне новую семью, со-

ответствующую нашему статусу.

Он развернулся и твёрдой поступью вышел из столовой, оставив за собой шлейф горького сандала и ледяного страха. Я осталась сидеть одна за огромным столом, сжимая в ледяных пальцах чашку остывающего чая. Руки мелко дрожали.

Отец поставил меня перед пропастью. Либо сломать чужой разум и отдать человека на казнь, либо стать покорной вещью в чужом богатом доме, повторив страшную судьбу матери.

Я перевела взгляд на казённый лист с красной полосой. *Пациент 047.* В графе имени — чёрный прочерк.

2 глава

Дорога от нашего дома до клиники занимала около двадцати минут, если петлять на стареньком джипе по узкому, влажному серпантину через дремучий сосновый бор.

«Kapoor Psychiatric Centre» прятался в самой глуши Саттала. Здесь, среди отвесных скал, исполинских кедров и туманных ущелий, цивилизация словно заканчивалась. Воздух здесь пах иначе — колючей хвоей, сырой корой, мокрой глиной. А тишина была просто мертвая.

Я припарковалась на гравийной площадке перед главным входом, поправила сумку и зашла внутрь через тяжёлые стеклянные двери. Холл встретил меня привычным запахом спирта, эвкалиптового масла и свежего кофе. Медсёстры в светлых медицинских сари стали тихо переговариваться на постах.

Я не успела сделать и десятка шагов к лестнице, как из бокового коридора выбежал высокий силуэт в накинутом на

плечи белом халате.

— *Ваани?!*

Я даже не успела ничего понять, как сильные руки подхватили меня, оторвав от мраморного пола, и закружили в крепких, сокрушительных объятиях.

— *Ранвир*! — ахнула я, роняя папку на пол, сама крепко обняв его за шею. От него пахло привычной мятой и кокосом. — Пусти, сумасшедший, ты мне все рёбра переломаешь!

Мужчина со смехом опустил меня, но ладони с моих плеч не убрал. Его карие глаза сияли неподдельной, детской радостью.

— Глазам своим не верю… Неужели доктор Ваани Капур вернулась домой? — Ранвир улыбнулся своей широкой, открытой улыбкой, которую я помнила всю свою жизнь.

Он был моим другом детства, старше меня на четыре года. Отец не одобрял дружбу с мальчишками, но против сына своего старого друга, бывшего одноклассника, возражать он не мог.

— Мы сколько не виделись? С твоих зимних каникул? Полгода! Ты совсем не изменилась, только взгляд стал ещё серьёзнее. Ну же, дай я на тебя посмотрю.

— А ты, кажется, вытянулся, возмужал, — я с улыбкой поправила воротник его халата. — Настоящий доктор Ранвир Мехра. Как тётя и дядя?

— Отец всё так же ворчит на поставщиков лекарственных

трав, а мама вчера весь вечер обещала закормить своими фирменными алу-паратхами с домашним сыром, как только ты переступишь порог ее дома. Ладно, хватит греть здесь другим уши. Пойдём, я покажу тебе твой кабинет. Его приготовили на втором этаже, окна как раз выходят на сосновый бор.

Ранвир поднял мою папку, подхватил мой рабочий кейс, и мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж.

Мой новый кабинет оказался небольшим, но очень уютным. Мебель из светлого дерева, мягкое кресло в углу, широкий письменный стол и панорамное окно, за которым колыхалось зелёное море сосновых ветвей, укутанных туманом. Воздух здесь также был свежим и прохладным.

Мехра поставил мои вещи, быстро подошёл к небольшому кофейному аппарату в углу и через пару минут протянул мне чашку горячего, ароматного кофе.

— Держи. Масала-чай ты ещё успеешь попить, а вот крепкого ароматного чёрного кофе тебе точно не хватало, — он присел на край моего стола, скрестив руки на груди. Его улыбка постепенно угасла, уступая место взрослой, профессиональной сосредоточенности. — Ну, рассказывай. Как добралась? Как тебя встретил Ашок-сахиб?

Я сделала глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу, и вздохнула:

— Как всегда, Ранвир. Как строгий учитель. Никаких объятий, только разбор моего опоздания из-за размытых дорог

и лекция о врачебном долге. А к концу обеда он вручил мне это.

Я кивнула на чёрную папку с красной полосой, лежащую на столе. Ранвир помрачнел. Взял папку в руки, пробежал глазами по номеру «047» и тяжело выдохнул, глядя на меня с глубоким беспокойством.

— *Ваани*… Ты действительно собираешься за это браться? С ним уже пытались побеседовать наши старшие врачи. Но он либо молчит, либо агрессирует, когда на него давят. Шарма после второго сеанса отказался спускаться к нему без санитаров. Этот мужчина непредсказуем, у него случаются тяжёлые вспышки неконтролируемой ярости.

— Отец не оставил мне выбора, Ра́ну, — тихо ответила я, глядя в свою чашку. — Если я откажусь или провалю это дело, он отберёт у меня лицензию и выдаст замуж за сына Мальхотры. Для меня этот пациент — единственный шанс остаться свободной и доказать, что я способна работать здесь на равных.

Ранвир поставил чашку кофе на стол, подошёл к окну и несколько секунд молча смотрел на сосны, затянутые серым ливнем.

— Я понимаю. Но послушай мой совет: постарайся и с другими пациентами держаться профессионально, — негромко произнёс он, оборачиваясь. — И обещай мне, что будешь осторожна. Я буду рядом и если что-то пойдёт не так — я приду на помощь.

— Обещаю. Спасибо тебе.

Я допила кофе, чувствуя, как уходит лишняя дрожь.

Пора.

Мы вышли из уютного кабинета и спустились по крутым бетонным ступеням в подвальный, нулевой блок клиники. Здесь же, вдали от окон и дневного света, царила мрачность. Лампы дневного света тихо гудели под потолком, бросая резкие тени на серые стены. У массивной двери с кодовым замком дежурили двое полицейских. Завидев Ранвира и меня, они выпрямились.

— Доктор Капур проводит первичный осмотр, — сообщил Ранвир, прикладывая магнитную карту к панели.

Замок щёлкнул, тяжёлая металлическая дверь медленно приоткрылась. Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и переступила порог.

Комната была просторной, без лишних предметов: привинченный к полу стол, пара устойчивых стульев и железная койка у дальней стены. На краю койки, ссутулившись и уперев локти в колени, сидел мужчина.

Пациент №047.

На нём были простые хлопковые брюки и светлая рубашка без пуговиц. Плечи были мощными, широкими, кисти рук покрыты заживающими ссадинами. Густые, давно не стриженные тёмные волосы крупными волнами спадали ему на лицо, полностью скрывая черты. Он не двигался. Казалось, он даже не дышал, застыв каменным изваянием среди серо-

го бетона.

В воздухе повисло такое напряжение, что я физически ощутила, как сжались мои лёгкие.

— Доброе утро. Я ваш лечащий врач. Доктор Ваани Капур, — заговорила я, стараясь звучать мягко.

Мужчина медленно, почти незаметно вздрогнул.

— *Ваани*?.. — сорвалось с его губ.

Его голос оказался неожиданно низким, с глубокой хрипотцой, будто он не пользовался речью много недель. Он произнёс моё имя странно, с лёгким недоумением, словно пробовал неизвестное блюдо на вкус.

Я сделала осторожный шаг ближе к столу:

— Ваани Капур, сэр. Но если вам легче, вы можете называть меня и по имени.

Мужчина поднял голову.

Пряди волос расступились, и я увидела его лицо целиком. Острые скулы, упрямый подбородок, покрытый густой тёмной щетиной, и глаза… В этих тёмных омутах плескалась такая сокрушительная, немая боль, что у меня перехватило дыхание. Взгляд был тяжёлым, мутным, зрачки выглядели странно заторможенными, но за этой пеленой горел огонь раненого, загнанного зверя, который ждал удара, но при этом готов был защищаться до последнего вздоха.

— Мне не нужен мозгоправ, — сухо и жёстко хлестанул словами.

Ранвир, всё это время стоявший у двери, напрягся всем

телом и тяжело опустил ладонь мне на плечо:

— *Ваани…*

Я лишь мягко улыбнулась ему, показывая, что всё хорошо, хотя сердце глухо стучало в висках:

— У меня всё под контролем. Доверься мне.

Мехра помедлил секунду, шумно выдохнул и повернулся к охране у порога.

— Оставим врача и пациента наедине.

Полицейские переглянулись, но спорить не стали. Когда тяжёлая дверь закрылась и снаружи глухо щёлкнул замок, в комнате остался только звук нашего дыхания.

Я подошла к столу и встала прямо перед ним, не делая резких движений.

— Я хочу помочь вам, сэр. Вы потеряли память, и я хочу, чтобы вы восстановили её. У вас непростой…

Он перебил меня, резко вскинув подбородок и устремив свой тяжёлый взгляд прямо в мои зрачки:

— Я не хочу, чтобы мне восстанавливали память.

Он произнёс это абсолютно твёрдо. Без тени сомнения.

Я не отступила. Лишь чуть наклонила голову:

— Разве в вашей жизни нет того, что вы хотели бы помнить?

Его взгляд на мгновение остекленел. Пациент замер, уставившись в пространство между нами. Было отчётливо заметно, как напряглись мышцы его шеи, как пальцы сжались на коленях до побелевших костяшек. Казалось, он отчаянно

пытается заглянуть внутрь собственной пустоты, нащупать хоть одну зацепку, но мысль ускользает, причиняя ему почти физическую муку.

— Я не знаю, — глухо выдохнул он.

И тут же резко отвернулся к стене, пряча лицо за тёмными прядями волос, давая понять, что разговор окончен.

Я постояла ещё полминуты, слушая его прерывистое дыхание, а затем тихо собрала свои записи.

Первый шаг был сделан.

3 глава

Прошла неделя с моего первого спуска в нулевой блок.

Семь дней, на протяжении которых серые будни клиники наматывались на нервы тугой спиралью. Каждое утро начиналось одинаково: я входила в кабинет, просматривала сухие записи в журнале наблюдений и спускалась в сырой цоколь.

И каждый раз натыкалась на глухую, каменную стену.

Пациент почти не разговаривал. Сидел на краю койки, уставившись в пол, изредка бросая на меня исподлобья тяжелые, колючие взгляды. Но больше всего меня тревожило другое: *он практически перестал есть.*

Утренний поднос с больничной кашей и безвкусным пресным чаем санитары уносили обратно нетронутым. В обед он едва отламывал сухой край лепёшки роти и выпивал полстакана воды. Мужчина таял на глазах. Под его острыми скулами залегли глубокие тени, а ключицы под бесформенной рубашкой проступали всё резче.

В четверг утром я не выдержала.

Перед тем как выехать в клинику, я спустилась на просторную кухню нашего поместья. Там уже вовсю хлопотала Парвати: на плите шкворчала тяжёлая чугунная сковорода, а воздух был наполнен тёплым ароматом поджаренного тмина, свежего имбиря и топлёного масла гхи.

— *Парвати*, — тихо позвала я, подходя к деревянному столу. — Собери мне, пожалуйста, обед с собой. Только плотный. Горячий дал из чечевицы, побольше риса басмати с зирой и мягкие лепёшки паратхи с картофелем и зеленью.

Экономка оглянулась на меня, вытирая руки о край хлопкового сари. В её добрых глазах мелькнуло удивление:

— Наконец-то слышу от тебя что-то путное. Домашняя еда вернет тебе силы, а то в этой своей Англии одними салатами перебивалась.

Я смущённо улыбнулась, отводя взгляд.

Парвати ничего больше не спросила. Она лишь заботливо упаковала горячие блюда в традиционный трёхъярусный металлический тиффин — круглый судок из нержавеющей стали, плотно застегнув его боковые защёлки. Судок был обжигающе горячим и пах настоящим домом.

Через сорок минут я уже шла по коридору нулевого сектора клиники. Охранники у дверей привычно щелкнули кодовым замком, пропуская меня внутрь.

В камере снова было зябко. Лампы под потолком монотонно гудели. Пациент сидел на своей койке в той же позе —

ссутулившись, уперев локти в колени, с опущенной головой. Рядом на привинченном к полу столе снова стоял утренний больничный поднос: миска с остывшей серой кашей покрылась тонкой пленкой, к ней также никто не притронулся.

Я бесшумно подошла к столу, сняла с плеча сумку и поставила рядом свой блестящий тиффин. Металлическая защёлка звонко щёлкнула в тишине комнаты. Мужчина медленно вскинул голову. Сквозь тёмные спутанные пряди блеснули его настороженные, уставшие глаза.

— Доброе утро, — мягко произнесла я.

Он не ответил. Лишь смерил меня и металлический контейнер подозрительным, колючим взглядом, в котором сквозило привычное ожидание подвоха.

Я не стала читать ему нотаций о пользе питания и не стала уговаривать, как капризного ребёнка. Вместо этого я отодвинула больничный поднос на край стола, сняла крышку со своего судка и аккуратно расставила ярусы. Густой, пряный аромат домашней кухни мгновенно заполнил стерильную сырость камеры. Запахло свежей кинзой, топлёным маслом, жареным тмином и сладковатым кардамоном. Я заметила, как у него едва заметно дрогнули ноздри. Его кадык судорожно дернулся, сделав голодный спазматический глоток, но мужчина тут же упрямо сжал челюсти и демонстративно отвёл взгляд в сторону стены.

Я спокойно пододвинула один из деревянных стульев к столу, села и разложила перед собой еду.

— Если вы объявили голодовку, чтобы поскорее свести счёты с жизнью, то больничная каша — действительно лучший способ, — негромко, с легкой иронией заметила я, доставая небольшую серебряную ложку. — Но сегодня у меня в меню дал от моей экономки Парвати. И поверьте, если посуда не будет опустошена, она лично приедет в клинику и отчитает за неуважение к традициям.

Пациент оставался неподвижен на койке, но я кожей чувствовала, как он напряжённо следит за каждым моим движением.

Я зачерпнула ложкой горячий дал, смешанный с рассыпчатым рисом, и спокойно отправила в рот. Затем отломила кусочек мягкой, слоистой паратхи. Ела медленно, с удовольствием, показывая ему: здесь только настоящая, тёплая еда, приготовленная с заботой.

Прошло пять минут. В камере слышался лишь тихий стук моей ложки о металл и шум нашего дыхания.

Я отставила свою половину порции в сторону и подвинула второй ярус судка — полную чашу ароматного риса с густой чечевичной подливкой и две целые горячие лепёшки — на противоположный край стола.

— Садитесь, — мягко сказала я, посмотрев ему прямо в глаза. — Еда остынет.

Мужчина все еще сидел не шевелясь. В его взгляде боролись гордость дикого зверя и банальный, мучительный человеческий голод.

— Я не хочу, чтобы мой пациент упал в обморок от истощения посреди сеанса. Это сильно ударит по моей врачебной репутации, — позволила себе легкую шутку, чтобы поскорее вытеснить между нами паническое молчание.

В глубине его темных глаз на долю секунды мелькнула крошечная, едва заметная искорка ошеломления. Будто его это сбило с толку

Он медленно опустил ноги на пол. Двигаясь осторожно, словно в любой момент ожидая подвоха или удара со спины, он поднялся с койки. Мужчина подошёл к столу — высокий, широкоплечий, возвышающийся надо мной даже в этой бесформенной серой робе. Опустился на стул напротив.

Его пальцы — длинные, с разбитыми костяшками и въевшимися царапинами — заметно подрагивали, когда он коснулся фольги с тёплой паратхой. Я профессионально зафиксировала этот тремор. Мелкий, ритмичный, не совсем похожий на обычную мышечную слабость от недоедания. Словно нервная система находилась под каким-то внешним давлением.

Следствие аварии? Или действие постоянных уколов, которые ему делают по предписанию комиссии?

Он посмотрел на еду, затем перевёл взгляд на меня. Я не отводила глаз. Просто кивнула ему на тарелку и мягко, ободряюще улыбнулась.

Мужчина отломил большой кусок паратхи, макнул в пряный дал и отправил в рот. Было видно, как внутри него рух-

нула последняя плотина. Он ел молча, быстро, жадно, пытаясь сдержать голодную спешку, но тело брало своё. Тёплая домашняя еда возвращала к жизни то, что пытались заморозить эти холодные стены.

Я сидела напротив, не мешая ему и не задавая вопросов.

Когда тарелка опустела, он аккуратно вытер пальцы салфеткой, которую я положила рядом, и медленно откинулся на спинку деревянного стула. Его дыхание выровнялось. На бледных щеках впервые за неделю появился слабый оттенок жизни. Он поднял глаза и посмотрел на меня — долго, неотрывно, без прежней глухой ярости.

— *Спасибо*, — глухо, едва слышно произнёс он.

Это было первое простое человеческое слово, которое он сказал мне за всё это время. У меня внутри словно оборвалась тугая нить напряжения. На моих губах сама собой появилась искренняя, тёплая улыбка:

— На здоровье. Завтра принесу чай с кардамоном.

***

Когда я вышла из нулевого сектора и поднялась по каменной лестнице на первый этаж, меня уже ждал Ранвир. Он стоял у окна в конце коридора, нервно постукивая пальцами по подоконнику. Завидев меня с пустым тиффином в руках, он стремительно шагнул навстречу.

— Ты просидела там почти сорок минут, Ваани! —

неожиданно для меня выпалил он вполголоса, заглядывая мне в лицо с неприкрытым волнением. — Я уже собирался вызвать охрану и вломиться. Что ты там делала?

— Мы просто обедали, Ранвир, — спокойно ответила я, пряча судок в сумку.

Ранвир остолбенел, уставившись на меня так, будто я только что призналась в общении с призраками:

— *Обедали?! С ним?* Ваани, ты с ума сошла! О нём в городе такие слухи ходят… Полиция и семьи погибших требуют виселицы, а ты сидишь с ним за одним столом и носишь ему домашнюю еду из поместья!

Его слова резанули меня по живому. Внутри мгновенно вспыхнула горячая, обжигающая волна обиды и профессиональной гордости. Я резко остановилась, разворачиваясь к другу. Мой голос был острым и резким.

— Во-первых, он мой пациент. У него амнезия после травмы, и моя работа — несмотря на то, кем его выставляют в городских сплетнях, — помочь ему восстановить память и провести объективную экспертизу. А во-вторых, Ранвир… не обижайся, но я его лечащий врач, и я буду решать, как с ним работать. Я не просто так сидела шесть лет в лучшем университете. И я прекрасно понимаю, с кем имею дело. Не я выбрала быть его лечащим врачом, но я доведу дело до конца. Так что только мне решать, какие методы применять для установления контакта!

Слова вылетели на одном дыхании.

Ранвир стал выглядеть еще более ошеломлённо. Я никогда в жизни не говорила с ним таким тоном — мы с детства привыкли защищаться вместе, а не бросаться упрёками.

Глядя на его растерянное, побледневшее лицо, я медленно перевела дыхание. Стыд обжёг щёки.

— *Прости…* — я виновато опустила глаза, коснувшись пальцами виска. — Я… я не хотела грубить тебе. Прости, пожалуйста.

Мехра помолчал несколько секунд, внимательно вглядываясь в меня, а затем его лицо смягчилось. Он тяжело вздохнул и тепло, чуть грустно улыбнулся:

— Всё в порядке, Ваани. Я понимаю. У тебя тяжёлый случай, и ты под диким давлением Ашока-сахиба.

Он сделал шаг ближе, ободряюще коснувшись моего плеча:

— Я просто боюсь за тебя. Не забывай, что в этих стенах правила устанавливает твой отец. Не буду тебя отвлекать от работы. Пойду проверю палаты в третьем блоке. Передохни немного у себя в кабинете.

— Спасибо, Ранвир.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри сплетаются воедино тревога, вина и странное, упрямое чувство победы.

Сегодня пациент сделал второй шаг навстречу.

4 глава

Когда дежурный полицейский отомкнул замок, я зашла в камеру, прижимая к груди пустой блокнот. Мой взгляд невольно скользнул по комнате и замер на пациенте. Мужчина не сидел на койке, как обычно. Он стоял у самого окна — узкой зарешеченной полосы под самым потолком, через которую пробивался блёклый, сизый свет просыпающегося Саттала.

Я невольно задержала дыхание, рассматривая его со спины. Вчера, когда мы сидели за столом, его фигура казалась ссутуленной и раздавленной. Но сейчас, расправив плечи, он казался огромным. Высокий, под метр девяносто, широкая спина, сильные, рельефные руки, покрытые сеткой старых, уже побелевших шрамов и свежих ссадин. Светлая больничная рубашка без пуговиц была небрежно запахнута, открывая ключицы и сильную шею. Густые, тёмные волосы крупными влажными волнами спадали на плечи. Было в его фи-

гуре что-то первобытное.

Он медленно повернул голову на звук моих шагов. Сквозь пряди волос на меня устремился его тёмный, глубокий взгляд.

— Доброе утро, — тихо произнесла я, делая шаг к столу.

Сегодня я надела тёмно-синее сари под больничный халат, украсив лёгкий образ маленьким серебряным кольцом-натх, серебряными маленькими джумками и синеватыми чуриян. Волосы уложила в густой, своеобразный пучок. Пациенты и санитарки то и дело замирали и смотрели мне вслед. От этого становилось неловко, и я мучилась вопросом: не перестаралась ли я? И сейчас на меня также смотрел и *он*.

Пациент молчал несколько секунд, разглядывая меня так пристально, что у меня по коже побежали мурашки и поднялась легкая паника. Его взгляд скользнул по моим волосам, задержался на лице и опустился к складкам синей ткани.

— *Доброе*, — негромко отозвался он. Голос звучал непривычно мягко, глубокая хрипота почти исчезла. — Ты сегодня… *другая*.

Я остановилась у стола, укладывая блокнот на деревянную поверхность.

— Другая? В каком смысле?

— В тебе больше нет того страха, с которым ты входила сюда в первый день, — он медленно отошёл от окна и сделал два шага ко мне. — И этот синий цвет. Тебе идёт. Делает твою кожу теплее, а глаза… похожими на воду в озере, когда

туман наконец рассеивается.

Моё сердце ударилось о ребра, вызвав снова легкую тошноту. От его простых, негромких слов в груди разлилось странное, щемящее тепло. Я поспешно опустила глаза к блокноту, пытаясь скрыть невольное смущение, и села на стул.

— Мне очень приятно, спасибо тебе, — я улыбнулась, стараясь вернуть разговору спокойный, рабочий тон. — Но комплименты не входят в программу нашей работы. Садись. Сегодня попробуем кое-что интересное.

Пациент бесшумно опустился на стул напротив. Разница в наших фигурах была поразительной: его широкие плечи почти полностью закрывали от меня серую стену позади.

Я достала чистый рецептурный бланк и ручку. Мне нужно было пересмотреть его карту назначений. Убрать необоснованно тяжёлые препараты, которые глушат его разум последние недели.

— Я отменю в карте таблетки, от которых у тебя раскалывается голова и путаются мысли. Заменю их лёгким травяным сбором и каплями. Чтобы ты мог нормально спать, а не проваливаться в темноту.

Пациент молча наблюдал за тем, как я поставила внизу подпись: *Доктор В. Капур.*

— Думаешь, отвары помогут вернуть то, что умерло? — он коснулся пальцами своего виска.

— Я думаю, что голове нужно дать отдохнуть от химии.

А потом память сама начнёт возвращаться. Шаг за шагом.

Я положила перед ним чистый белый лист бумаги и простой мягкий карандаш.

— Что это? — нахмурился, глядя на пустую страницу.

— Попробуй нарисовать. Всё, что всплывает внутри, когда ты закрываешь глаза. Если трудно говорить словами — пускай рука сама двигается.

Мужчина посмотрел на карандаш, но не спешил брать. Его пальцы с разбитыми костяшками напряжённо сжались.

— Не уверен, что я умею рисовать, Ваани.

— А мне и не нужна картина из галереи, — улыбнулась я, подтолкнув карандаш ближе к его руке. — Это просто способ выпустить то, что давит на тебя. Попробуй.

Он колебался. Несколько долгих секунд в камере стояла тишина, прерываемая лишь шумом дождя за пределами подвала. Наконец, он тяжело вздохнул и медленно потянулся к карандашу. Тонкий деревянный корпус казался совсем крошечным в его сильной ладони.

Мужчина наклонился над столом. Густые волнистые волосы упали на лоб, скрывая его лицо.

Я не стала мешать ему. Принялась быстро выводить на бумаге латинские названия мягких успокаивающих экстрактов ашваганды, капель центеллы и сосудистых препаратов для восстановления после сотрясения. Прежние препараты превращали его мысли в мутную воду, не давая памяти пробиться наружу.

Но краем глаза следила за каждым его движением. Напряжение, которое раньше висело в камере душным облаком, постепенно растаяло. Слышался лишь тихий, ритмичный шорох грифеля о плотную бумагу. Этот звук успокаивал, создавая между нами какое-то хрупкое доверие.

Прошло около двадцати минут. Пациент замер, отложил карандаш и медленно пододвинул лист ко мне. Я взяла рисунок и у меня внутри всё похолодело.

На листе не было абстрактных линий. Тёмными, рваными, но удивительно точными штрихами был нарисован дремучий сосновый бор. Высокие кроны деревьев уходили в хмурое небо, а у их подножия, на самом берегу тёмной воды, стояла хрупкая девичья фигурка в светлом платье. Но страшнее всего было её лицо. Оно было густо, яростно заштриховано карандашом. Словно он изо всех сил пытался вспомнить её черты, но натыкался на непробиваемую, чёрную стену своего забытья.

На самом краю листа, на полях, его неровным почерком на хинди были выведены три коротких слова:

«Лес. Вода. Не успел».

Пальцы, держащие бумагу, мелко задрожали. Я подняла на него глаза.

Мужчина сидел, отвернувшись к стене. Его челюсти были сжаты до желваков, плечи напряглись, а грудь высоко вздымалась от прерывистых вдохов. Он выглядел таким уязвимым в этой своей немой, разрывающей боли, что мне до

безумия захотелось протянуть руку через стол и сжать его пальцы.

— Это очень важно, — произнесла почти шёпотом.

— Я помню только как бежал сквозь деревья. Не могу понять, почему вижу эту картинку…

Он замолчал, пряча лицо в ладонях. Я бережно убрала рисунок в папку, застегнула её и поднялась. На сегодня этого было более чем достаточно. Память просыпалась, но эта правда ранила его сильнее, чем любая болезнь.

— На сегодня всё. Ты отлично справился. Отдыхай. Завтра я принесу свежий травяной чай.

Пациент не ответил, но его плечи чуть расслабились. Я вышла из камеры, чувствуя, как внутри меня рождается что-то огромное, пугающее и совершенно несовместимое с должностью врача.

Я сопереживала ему. И это мой самый опасный шаг.

***

Когда я поднялась на второй этаж, в коридоре меня уже ждал Ранвир. Судя по тому, с каким видом он мерил шагами пространство у моего кабинета, разговор предстоял непростой. Руки его были скрещены на груди, а нахмуренные брови сходились на переносице.

— Ну что, доктор Капур? — негромко, но с явным раздражением произнёс он, когда я подошла ближе. — Опять

носила ему домашнюю еду? Опять болтала с ним о жизни?

Я устало вздохнула, прислонившись плечом к стене. Голова после сеанса гудела.

— Ранвир, давай не сейчас…

— Нет, погоди, Ваани! — перебил он, делая шаг ко мне. — Ты вообще понимаешь, что творишь? Ты переступила черту. Ты не просто лечишь его, ты сближаешься с опасным человеком, которого обвиняют в зверском убийстве! Об этом уже шепчется персонал на первом этаже. Если об этом узнает твой отец…

— Отец ничего не узнает, если ты не побежишь докладывать ему каждый мой шаг! — не выдержала я, снова вспыхнув от злости. Внутри поднялась горячая волна протеста.

Ранвир опешил. Его глаза расширились от обиды.

— Я пытаюсь защитить тебя! Я твой друг, Ваани!

— Я знаю, что ты мой друг, и я ценю это! — уже спокойнее, но твёрдо ответила я, глядя ему прямо в глаза. Я выпрямила спину, сжимая в руках папку с рисунком. — Но я уже говорила тебе: я действую *своими* методами. Мой подход работает. Он начал вспоминать, Ранвир.

Мехра тяжело выдохнул, проводя рукой по волосам. В его взгляде мелькнуло горькое разочарование, смешанное с беспокойством.

— Ты играешь с огнём, Ваани. И боюсь, когда ты это поймёшь, обжигаться будет уже поздно.

Он развернулся и молча зашагал по коридору, оставив ме-

ня одну у закрытой двери кабинета. Я прикрыла глаза, чувствуя, как внутри нарастает тяжесть. Ранвир был прав в одном: я действительно играла с огнём. Но остановиться я уже не могла себе позволить.

5 глава

Следующие несколько дней в нулевом блоке прошли в напряжённом молчании.

Пациент стал ещё тише. После того рисунка и воспоминания о лесе его словно затянуло обратно в раковину. Он почти не поднимал головы, когда я входила, пил травяной настой, который я приносила, но отказывался рисовать или говорить о прошлом. Я не давила. Я знала, что затишье перед бурей — это нормальная защитная реакция психики, пытающейся переварить вскрывшуюся правду.

Но шла третья неделя и ему не становилось лучше.

Я спустилась в подвал ближе к обеду. Дежурный полицейский отпер замок, пропуская меня внутрь. Воздух в камере был затхлый. Мужчина привычно сидел на койке, сгорбившись, обхватив голову руками. Его плечи мелко дрожали.

— *Эй*… — осторожно позвала я, делая шаг вперёд. — Посмотри на меня.

Он не ответил. Но когда я сделала ещё одно движение, он резко вскинул голову.

Боже мой. Его лицо было бледным до синевы, на лбу выступили крупные капли холодного пота, а зрачки расширились настолько, что почти полностью затопили радужки. В его взгляде не было узнавания. Там клубился чистый, ослепляющий ужас человека, заживо горящего в собственном кошмаре. Мелкая мышечная дрожь била всё его тело — неестественная, лихорадочная, словно нервная система подверглась колоссальной перегрузке.

— Посмотри на меня, это я, *Ваани,* — испуганно произнесла я, медленно приближаясь к столу.

Но, кажется, он меня не слышал. С глухим, звериным рычанием, полным дикой агонии, он сорвался с койки.

В этот момент в замке с лязгом повернулся ключ. Видимо, дежурный полицейский, услышав шум через решётку, решил проверить обстановку. Дверь резко распахнулась, и двое охранников шагнули в проём, инстинктивно хватаясь за дубинки.

Гулкий звук открывающейся двери стал детонатором. Для больного, дезориентированного разума это выглядело как нападение.

— Не подходите! — взревел он голосом раненого зверя.

Один из охранников сделал шаг вперед, пытаясь применить шокер. Это была фатальная ошибка.

Пациент метнулся к нему с молниеносной скоростью. Од-

ним мощным ударом выбив оружие из рук охранника, он отбросил его к стене так, что тот со стоном осел на бетон. Второй полицейский попытался замахнуться дубинкой, но мужчина перехватил его руку, с хрустом выкручивая запястье.

В камере начался настоящий хаос.

— Нет! Стойте! Не трогайте его! — закричала я, бросаясь между ними.

В этот момент пациент, ослеплённый адреналином и паникой, замахнулся для удара. Огромный кулак рассек воздух в сантиметре от моего лица. Инерция бросила его вперед, и мужчина со всей силой налетел на меня. От мощного толчка я потеряла опору, ноги запутались в складках сари, и я с криком полетела назад.

Глухой удар о холодный бетонный пол выбил из моих лёгких весь воздух. В глазах мгновенно потемнело от острой боли в затылке и спине. Я задохнулась, пытаясь сделать вдох, но грудную клетку словно сковало тисками.

И в эту же секунду тяжелая тень навалилась сверху.

Пациент рухнул рядом со мной. Дыхание было диким, прерывистым, как у загнанного зверя. Подчиняясь первобытному инстинкту выживания, он прижал меня к полу, схватив своими мощными руками за плечи. Его пальцы впились в ткань моего сари. Лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего.

Я лежала на спине, не в силах пошевелиться от боли и шока, и смотрела прямо в его безумные, расширенные от ужаса

глаза. Сама же широко распахнула глаза, от шока и… испуга. Настоящего, беспомощного испуга перед лицом стихии.

Я не могла закричать, не ударить его, защищаясь. Просто замерла под его тяжестью, глядя снизу вверх, чувствуя, как по щеке катится слеза.

Буря, бушевавшая в его зрачках, мгновенно стихла, сменившись ледяной, отрезвляющей пустотой. Его взгляд упал на моё лицо. На слёзы. На дрожащие губы.

Лицо мужчины мгновенно исказилось от невыносимого, абсолютного ужаса. Пальцы, сжимавшие мои плечи, мгновенно разжались, будто моя кожа обожгла его раскалённым железом. Он судорожно выдохнул, отпрянув назад так резко, что едва не врезался спиной в железную койку.

— *Ваани…* — сорвалось с его разбитых губ хриплым, полным отчаяния шёпотом.

Он испугался. И скорее всего — себя.

Мужчина в ужасе уставился на собственные дрожащие ладони, словно видя на них кровь близкого. Его снова затрясло крупной, неконтролируемой дрожью.

— *Уходите…* — прохрипел он, вжимаясь спиной в холодный бетон и забиваясь в самый дальний угол камеры, закрывая голову руками. — Уходи отсюда! Я монстр… Я покалечу тебя! Убирайся!

В распахнутую дверь влетел Ранвир с подоспевшими санитарами.

— Ваани! Ты в порядке?! — Мехра упал передо мной на

колени, подхватывая за плечи и помогая приподняться. Его лицо побледнело от страха. — Этот дикарь напал на тебя?! Я же говорил! Я предупреждал тебя!

— Ранвир… *стой*… — с трудом выдавила я, задыхаясь от боли в ушибленном месте и цепляясь пальцами за рукав его халата.

Я перевела взгляд в угол камеры.

Пациент все ещё сидел на полу, съёжившись, обхватив колени руками и судорожно хватая ртом воздух. Он смотрел на меня из темноты глазами затравленного зверя, который ненавидел себя за собственную неуправляемость больше всего на свете.

Мне стало невыносимо, до слёз больно видеть, как мой пациент разрывает себя изнутри.

— Не применять силу! — сдавленно крикнула я санитарам, пока Ранвир бережно поднимал меня на ноги.

Но даже когда тяжёлая дверь захлопнулась за нами, в ушах стоял не крик санитаров, а тот сокрушённый, отчаянный шёпот: *«Я монстр…»*

6 глава

Саттал затянул дождями на целую неделю. Ливень не прекращался ни на час, превращая мир за окнами в сплошное серое пятно. Вода бурными потоками стекала по желобам клиники, сосны шумели так неистово, словно пытались предупредить о чём-то. В коридорах стало совсем зябко. Врачи и медсёстры кутались в тёплые шали поверх халатов, а воздух пропитался запахом влажной шерсти и имбирного чая.

После того страшного срыва пациент закрылся. Он забился в тот самый угол своей камеры, накрывшись с головой тяжёлым байковым одеялом, и превратился в неподвижный серый холм. Дежурный врач докладывал, что он не реагирует на обращения, отказывается от осмотра и почти не шевелится, а с обеденного подноса исчезает только хлеб и вода.

Ранвир перехватил меня у лестницы. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени. Он почти не спал, проводя время в клинике.

— Ваани, остановись, — преградил мне путь, положив руку на перила. — Он не хочет никого видеть. Дай ему время. Или дай время себе. У тебя на затылке всё ещё огромная гематома.

Я осторожно коснулась рукой места ушиба, прикрытого волосами. Голова всё ещё ныла тупой, пульсирующей болью по ночам, но это было ничто по сравнению с тем, что я чувствовала, вспоминая его взгляд перед тем, как он отпрянул.

— Я не пытаюсь лечить его, Ранвир. Я просто хочу навестить его.

Мехра только горько покачал головой и отошёл. Он не понимал, и я не могла его винить.

Я спустилась вниз. Охранники у дверей изолятора теперь смотрели на меня с явным сочувствием, как на смертницу. Замок щёлкнул, пропуская меня внутрь. В камере было только мерное, едва слышное гудение ламп. Серый холм в углу даже не шелохнулся.

Я поставила принесённый контейнер с едой на стол, придвинула стул и села так, чтобы не тревожить его пространство, но так, чтобы он чувствовал моё присутствие.

— Сегодня в лесу совсем не видно неба, — заговорила я негромко, глядя на голые бетонные стены. — Туман такой густой, что Парвати утром заблудилась по дороге к нашему дому, хотя ходит по этой тропе тридцать пять лет. Она прислала тебе сегодня лепёшки с семенами калинджи. Говорит, они придают сил, когда на душе тоскливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.